

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ КОНОПЛЕ

Народная женская одежда Курской и Орловской губерний. Гравюра. 1916.

В среднерусской полосе в старое время и возле торгового села, и на околице захолустной деревни располагались конопляники. Они были подобны крепостным стенам, окружавшим древние города. Только в сельской местности вместо каменной стены стояла высоченная конопля. Ей на роду было написано быть домоседкой, соседкой человеческого жилья. Причин тому несколько. Во-первых, конопля требовала огромного количества удобрений – на чем бы крестьянин возил навоз на дальнее поле? Во-вторых, конопля не любит ветра, ее волокно теряет в качестве из-за этого, – потому и был конопляник прикрыт сараем, гумном и вдобавок специальной оградой. В-третьих, чтобы сберечь зреющее семя от налетов птиц, конопляник надо было не терять из виду, сторожить: занимались этим обычно дряхлые старики, которым уже не хватило бы сил куда-то идти. И, наконец, уборка и обработка конопли требовали немало труда, а возле дома проще было выкроить время на дело.

Но конопля славилась и необычайной отзывчивостью на труд. Так как она имеет женские и мужские особи, сырье из них предназначалось для самых разных крестьянских надобностей: трудно даже просто перечислить весь этот круг. Посконь (волокно мужских растений) служила основой для более тонкой, ровной ткани, из нее делали праздничную одежду, полотенца (на все случаи: от свадеб до похорон, для икон и т.д.), занавески, простыни, детские пеленки, одеяла, платки, портянки, скатерти и даже кружева(!). Фактически посконь выполняла ту же роль, что и лен, только пеньковые полотна считались прочнее льняных.

Во многих местах существовал обычай класть младенца после крещения на полтораметровый кусок холста, который становился своеобразным талисманом. По-разному использовали эту ткань. В одних деревнях было принято шить из нее одежду для ребенка – и надо было непременно износить ее до дыр. В других селениях, когда ребенок вырастал, ткань использовали ему на свадебные рушники. В третьих, для девушки шили из сохраненного холста наволочку (чтобы ей хорошо жилось замужем), для парня – сумку и онучи (чтобы после службы в армии вернулся домой).

Из матерки (она грубее) ткали ткань для мешков (чувалов, кулей и т.д. – все виды мешков для разных грузов просто невозможно назвать), фартуков, попон для лошадей, сумок. На прядильнях в городах делали парусину.

И хотя лучшими, самыми прочными веревками считались посконные, немало видов подобных изделий вили и из матерки. Это и нити для рыбац-

ких сетей, неводов, вентерей. Это и всевозможные веревки: от очень тонких (шпагат, бечевка) до самых мощных (вожжи, канаты).

Бросовые отходы обработки конопли – пакля – служили незаменимым средством для прокладки бревен в срубах, заделывания щелей в деревянных лодках и кораблях посолиднее. Само слово «конопатить» явно указывает на свое конопляное происхождение. Из тех же отходов крестьяне плели подстилки, дерюги, лапти. Из пакли можно было сделать фитиль для свечки, лампы или примитивного светильника. Зеленую коноплю использовали против клопов – она отпугивала насекомых своим запахом.

Семя, как мы уже знаем, служило прекрасным кормом для птиц. Да и люди в голодный год считали его за лакомство: толкли, жарили, приберегали для детей. Например, в столице конопляного края Дмитровске «масленки» делали только по великим праздникам: сэкономили.

Из конопляного семени (голь на выдумки хитра!) сельский мужик наволчился даже гнать самогон! А получаемое из семени масло использовали в пищу как приправу для самых разных блюд в постные дни (таковых у крестьянина было более чем достаточно). Считалось, что кто отведал конопляного масла, тому и мясо уже ни к чему: «Пальчики оближешь, чего уж веселей в пост!» (и действительно, по своей белковой ценности семя конопли не уступает мясу).

Масло годилось и для лампад, светильников, из него делали высококачественное жидкое мыло, олифу, которая шла на росписи икон (можно использовать масло и для консервирования). Олифа была основой различных мастик, шпаклевок и т.д. Масло крестьянин непременно припасал и как средство от хворей – можно было поставить компресс, растереться, смазать больное место. Маслом намазывали голову, чтобы избавиться от вшей, а ароматный конопляный жмых шел на корм скоту...

Таким образом, у конопли не оказывалось абсолютно никаких отходов (кстати, к актуальному вопросу о безотходных технологиях и экологии...). Даже совсем никчемные остатки использовались на постилку в курятниках, их засыпали между стен для утепления, вывозили в огород для смягчения почвы. Костру сжигали, чтобы получить щелок для отбеливания тех же холстов. И даже из листьев конопли, добавляя квас, делали зеленую краску для тканей.

Крестьянин и в бане мылился пеньковой мочалкой, и крест на груди держался у него на нитке из конопли. К этому надо добавить, что волокно

конопли можно было продать не только обычному шибаяу, но и скупщику с бумажной фабрики (была, например, в Елецком уезде). Ведь изношенные паруса и канаты еще в незапамятной древности были сырьем для производства бумаги в Индии и на Ближнем Востоке. Да и вся Европа делала бумагу исключительно из льняного и пенькового сырья вплоть до середины XIX века, когда начали использовать на эти цели древесную целлюлозу. Приходилось встречать упоминания о том, что до сих пор банкноты фунтов стерлингов и юаней делают из бумаги с добавлением конопли...

* * *

А ведь конопля, столь прижившаяся на русских полях и занимавшая здесь едва ли не половину мировых посевов, не была местной уроженкой. Родом она из Центральной и Западной Азии. С развитием торговли конопля попала караванными тропами в Китай – пенька упоминается китайским мыслителем Конфуцием, жившим в середине первого тысячелетия до н.э. Позже конопля достигает европейских пределов, приходит к славянам.

Она упоминается на Руси вместе со льном уже в княжьих уставах XII века, но значительно чаще – начиная с XVI и XVII веков. Одно из первых упоминаний о конопле в нашем крае – свидетельство Павла Алеппского, который в 1654 году сопровождал патриарха антиохийского Макария в его поездке в Москву через Киев. Павел Алеппский отмечал, что в тогдашней Комарицкой волости выращивали коноплю и на волокно, и на масло...

По свидетельству Д. Флетчера, уже во второй половине XVI века только на Нарвской пристани нагружалось русской пенькой до ста больших и малых судов – в Европе это сырье использовалось для изготовления веревок, канатов, заделки пазов в срубах и т.п.

Во времена Ивана Грозного в «Домострое» прямо указывалось, что у хорошего хозяина круглый год должно быть в запасе конопляное семя и конопляное масло на время поста. Конопля упоминается в «Домострое» неоднократно, всякий раз с присказкой о том, что добрый человек, разумный и благорассудный, должен содержать продукты в сбережении и не допускать их порчи: «В бочках или коробах, чтобы все было покрыто и судно твердо, и не намокло бы, и не сгнило, и не затхлося. А всему бы тому была мера и счет». Правда, не указано, сколько именно масла было нужно на год. Среди одежды и утвари в «Домострое» упоминаются посконь, веревки, ужица (канаты), посконные вожжи. В XVI веке хорошим тоном считалось подавать к столу в Успенский пост пироги большие с маком, жаренные на конопляном масле с горошком.

Конопля упомянута в «отписях» 178 и 179 (1668–1669) годов об уплате Свенским монастырем денег за рогожи, взятые в Брянске «для государевых струг». Речь шла о доставке монастырем пеньки и драниц для стругов, а также хлеба для сторожа и палача и еще 12 рублей за дрова в приказную избу города Брянска. В Смоленске в эти годы существовал особый оброк пенькой...

* * *

Посевная площадь конопли в Орловской губернии составляла в конце XIX века 65 тысяч десятин, в 1913 году – 61 тысячу десятин. Происходило уменьшение не только площадей, но и урожаев. Судя по «Списку населенных мест», в середине XIX века нормальным считался урожай семян в 55–60 пудов с десятины. Тридцать лет спустя он упал до 45–50 пудов. Но уже в 1890-е годы средний урожай по губернии не превышал 25 пудов, а в конце века упал до 21 пуда. Накануне первой мировой войны был отмечен рост до 40 пудов семян с десятины. В середине XIX века нормальным урожаем пеньки считали 18 копен с десятины, т.е. примерно 20–25 пудов мятой пеньки. К началу века урожайность упала на 20–25 процентов.

Любопытно, что конопля оказалась даже своеобразным тормозом столыпинской реформы. Крестьяне не хотели уходить на отруба от ухоженных конопляников, в которые было вложено столько труда... Земские агрономы всерьез заявляли: «Хозяйства на надельных землях и вообще на крестьянских чересполосных землях не пойдут вперед, пока не будут уничтожены конопляники – эти поглотители всего имеющегося у крестьян навоза».

1920–1930-е годы – поистине революционное время в истории коноплеводства на Орловщине и в соседних регионах. Этот период не только круто изменил весь уклад векового коноплеводного хозяйства, но и на несколько будущих десятилетий определил основные параметры положения конопли в аграрном производстве. Модернизация затронула буквально все сферы, а точнее, не просто затронула, а перекроила их, иногда вовсе перечеркнув. В эти годы, например, был поставлен крест на уникальной системе торговли пенькой, исчезли столь привычные сельскому жителю конопляники у околицы, была ликвидирована сеть кустарного производства, сведено на нет изготовление конопляного масла и т.д.

На рубеже 1930-х годов сельское хозяйство Черноземной зоны стало своего рода экспериментальной площадкой. Для получения спирта насаж-

дали плантации цикория и топинамбура, власть пыталась заставить крестьян пестовать вместо пшеницы крымский и казахстанский одуванчик, неизвестный тау-сагыз – все это было сырьем для натурального каучука. Настал черед и конопли. Но вместо того, чтобы улучшить авторитетные сорта: трубчевскую и почепскую коноплю, – взялись акклиматизировать южную.

Судьба у этого эксперимента оказалась двойственной. С одной стороны, южная конопля на Орловщине «пошла». Но, с другой стороны, даже накануне войны ее посевы составляли в области всего 19,2 процента от площади конопляников. Похоже, в сельском хозяйстве было уже не до экспериментов. Ученые-экспериментаторы с их масштабными идеями уходили на второй план... и еще дальше. Фактическому разгрому подверглись многолетние исследования конопли на Шатиловской станции, которая еще в начале 1930-х годов считалась основным научно-исследовательским и опытным учреждением по конопле в Центрально-Черноземной области. В решении Новодеревеньковского райкома ВКП(б) от 14 октября 1937 года говорилось о том, что на станции «издана брошюра по борьбе с вредителями, рассчитанная на то, чтобы погубить посевы конопли в области». А накануне на партсобрании станции особо подчеркивалось, что «брошюра изъята, как явно вредительская». Что же так испугало бдительных охранителей конопляных посевов? Переведенная на русский язык обыкновенная иностранная работа о борьбе с вредителями конопли и о шведской мухе... Приходится констатировать, что, несмотря на создание ряда научных учреждений (в Москве – ВНИИ конопли, на Украине – Глуховского института лубяных культур, в Воронеже – факультета растительных масел в технологическом институте), последняя попытка организовать на Орловщине научную базу по конопле была сметена беспощадным вихрем 1937 года. Неужели и вправду из-за шпионской шведской мухи?

* * *

Если всерьез обращаться к истокам, то выяснится, что знакомство человека с коноплей (в широком смысле слова, без акцента на нашу среднерусскую ее разновидность) началось с того, что конопля... одурманила дикаря. Геродот, рассказывая о быте скифского племени, жившего на побережье Каспия, замечал: «Они садились вокруг дерева, бросали в разводимый костер какие-то плоды и опьянялись дымом от этих плодов, как эллины опьяняются вином». Во всяком случае конопля первоначально выращивалась именно ради получаемого из нее гашиша.

Дурман дарит наркоману эйфорию, а спустя несколько часов – жуткую жажду и нестерпимый голод. Отрава очень скоро лишает человека свободы, делает навсегда зависимым, в конечном счете – убивает! По наблюдениям наркологов, четверо из каждых десяти наркоманов начинали свой безвозвратный путь именно с конопли. На первый взгляд безобидная трава легко приучает к курению, потом появляется желание попробовать что-нибудь покруче...

Давно известно, что конопля богата фитонцидами: если посадить ее по краям земельного участка, то меньше будет болезнетворных бактерий и насекомых. Медики утверждают, что коноплю вполне можно отнести к лекарственным растениям. В 1742 году в зверинцах Санкт-Петербурга насчитывалось 15 слонов. Из-за сурового климата бедные животные часто хворали. Медицинская коллегия, рассмотрев вопрос о «слоновых лекарствах», постановила поручить купцам, бывавшим в Персии, привезти для слонов ревеня, коноплю, опиум и другие снадобья. Чего же в конопле такого, неужели только наркотическое действие, которое могло пронять толстокожего слона, заскучавшего на севере? Болгарский ученый Валерий Чолаков в своей книге «Нобелевские премии. Ученые и открытия» рассказал об истории одного научного поиска:

«В 1929 году Хенрик Дам из Копенгагенского университета ставил классические опыты с искусственными пищевыми смесями. У цыплят, которых умышленно лишали жиров, вдруг начинались тяжелые кровоизлияния. Анализ крови показал замедление ее коагуляции – процессы свертывания крови были очень затруднены».

В 1931 и 1933 гг. подобные явления наблюдали и американские исследователи. Тем временем Дам, добавляя в пищевые смеси различные вещества, установил, что добавка конопляного семени приводит к прекращению кровоизлияния и восстановлению свойств крови... Новый витамин был обозначен буквой К (от слова «коагуляция»).

Новое вещество было обнаружено также в семенах капусты, сои, люцерны, а также в тканях печени животных. Это был тот самый фермент, без которого не работал кровотворный механизм. Уже вскоре американский ученый Эдуард Аделберт получил искусственный витамин К. Его начали широко применять в медицине для остановки кровотечений во время операций, для лечения болезней печени. Особенно пригодился витамин К для лечения новорожденных, у которых такой авитаминоз был весьма распространенным явлением. Резко снизилась младенческая смертность.

Заслуги ученых перед человечеством были отмечены Нобелевской премией по физиологии и медицине. Она была присуждена (пополам) Хенрику Даму за открытие витамина К и Эдуарду Дойзи за открытие химической природы этого витамина. Примечательно, что решение о присуждении премии было принято во время второй мировой войны, в октябре 1944 года, – до этого из-за военных действий, с 1940 года, Нобелевские премии вообще не присуждались.

Размышляя над историей этой Нобелевской премии, невольно приходишь к выводу: не случайно в нашем народе издавна так популярно было конопляное масло, да и семена тоже шли в пищу, особенно для детей. Резкий отказ от производства конопляного масла, замена его подсолнечным вряд ли имели под собой какую-либо научную базу.

* * *

Конопле, казалось бы, совсем не осталось места в новом мире с его индустрией потребления, господством синтетики и универсальных продуктов быстрого приготовления. Выходит, можно поставить крест на конопле XXI века? И надо просто дожидаться, когда она, как последний пережиток, исчезнет с полей? Кому останется вздохнуть по ней, кроме неунывающей братии наркоманов?

При всех недостатках и при всей «отсталости» конопля она имеет два неоспоримых достоинства – прочность и натуральное происхождение. А с недостатками конопля – и реальными, и мнимыми – современные технологии могут справиться. Мы, например, привыкли считать пеньку слишком грубым исходным материалом для одежды. Но еще в конце XVIII века херсонский помещик Патрин получил медаль Вольного экономического общества за то, что изобрел способ придать волокнам пеньки мягкость и тонкость. Нитки и полотна, изготовленные из них, были не толще и не дороже льняных. Правда, этот способ, заключавшийся в обработке пеньки зольным щелоком, тогда не получил распространения из-за избытка в России льна.

Не случайно недавно японская фирма ИТОСНУ закупила в Орле 1,2 тонны пеньки, а затем еще 13 тонн, отправила ее самолетом в Японию, чтобы изготовить опытные образцы ткани. Традиционно льняное сырье закупается в Бельгии (российский лен не устраивает японцев по качеству), но в Европе наметилась тенденция сокращения площадей под техническими культурами, к тому же конопля из России обходится значительно дешевле. Обработав пеньку по специальной технологии, японцы получают в

итоге отличную современную ткань. Ее преимущества перед синтетикой: не электростатична, гигиенична и, говорят, даже препятствует проникновению радиации. Конечно, одежда «из пеньки» необходима прежде всего на электростанциях, на предприятиях электроники, тем, кто работает с компьютерами. Но по цене (а современная пеньковая ткань получается довольно дорогой) такая одежда предназначается в Японии в первую очередь людям с хорошим достатком, которые предпочитают удобную одежду из натуральной ткани.

Отходы переработки конопли (костра) могут служить исходным материалом для производства сорбентов, используемых в фильтрах для очистки воды. В промышленных технологиях они прекрасно служат для очистки стоков от солей тяжелых металлов, нефтепродуктов, жиров. Отходы незаменимы и как удобрения, как добавки в корм скоту для получения экологически чистой сельскохозяйственной продукции. А еще есть масса сфер применения, начиная от нефтедобывающей и стекольной промышленности и заканчивая горнохимической.

Другое перспективное предложение: немецкие предприниматели из сферы автомобилестроения заинтересовались орловской пенькой для производства натуральной обивки салона легковых автомобилей. Ужесточенные экологические стандарты в Европе ставят крест на синтетической обшивке, выделяющей в жаркое время в салон автомобиля массу вредных веществ. Конопля в этом случае служит идеальным природным материалом, к тому же поднимая престиж той или иной марки автомобиля, да и всей автомобильной фирмы.

Конопля XXI века – это новейшие технологии, использование достижений науки, развитие специализированных производств по переработке древнейшей сельскохозяйственной культуры. Естественно, интеллектуальный, технический потенциал не возникает на пустом месте. Необходимы научная экспериментальная база, технологический центр, школа для подготовки и переподготовки кадров.

Конопля всегда была спутницей русского крестьянина начиная с пеленок – кормила, одевала его, давала заморскую деньгу, а ее могучие полотно служили на всех континентах парусами надежды. И поэтому не будем торопиться ставить точку в ее истории...